

Алла
Озорнина

ТАЙНА
ДРЕВЦЕГО
АМУЛЕТА

СТРАШИЛКИ

Алла Георгиевна Озорнина
Тайна древнего амулета
Серия «Страшилки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53354773
Тайна древнего амулета: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121976-5

Аннотация

В новой книге Аллы Озорниной «Тайна древнего амулета» происходят страшные события. В мастерской художника хан сошёл с полотна и в призрачном виде стал приходить к Агнии и требовать, чтобы она помогла ему вернуть амулет. Если Агния не сможет осуществить просьбу древнего монгола, то в городе случится взрыв и погибнут люди! У девочки, кроме проблем древних людей, в жизни много непонятого. Вот, например, новый дядя Ираклий не очень-то похож на настоящего родственника и вызывает нехорошие подозрения. А в школе королева класса Лерка обещала устроить Агнии весёлую жизнь. Но девочка не отчаивается. Ей предстоит разрешить все загадки и найти настоящих друзей.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Пролог	8
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Часть II	37
Глава 1	37
Глава 2	41
Глава 3	45
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алла Озорнина

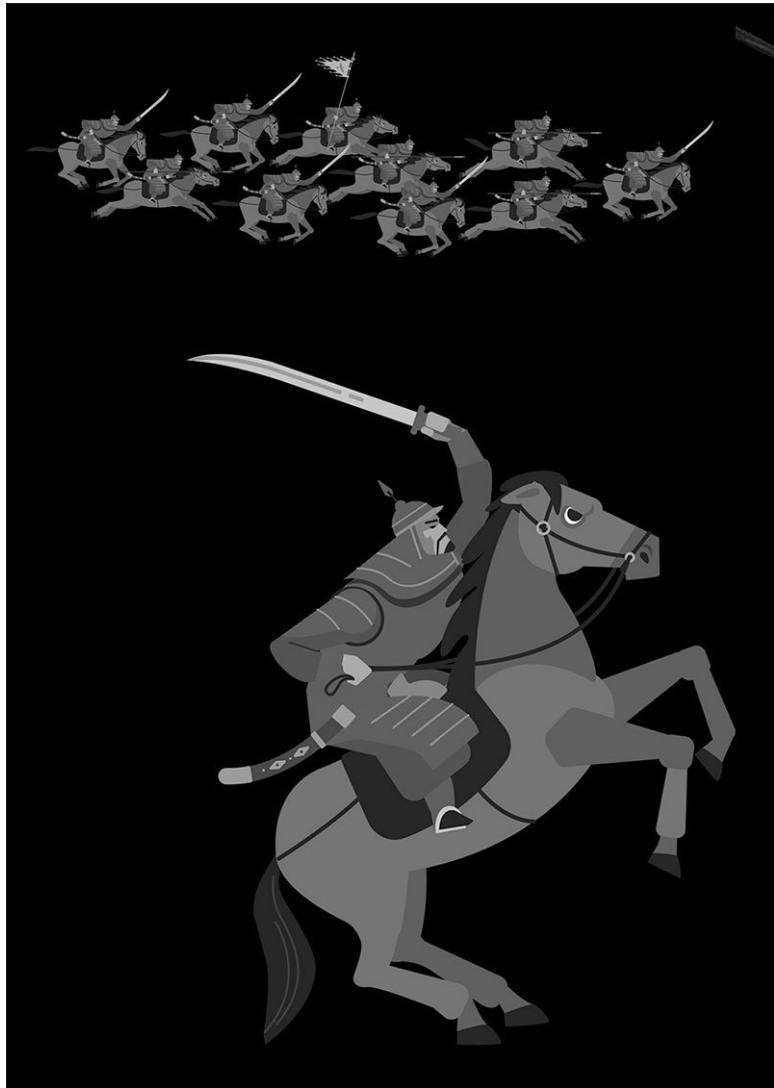
Тайна древнего амулета

© Озорнина А. Г., 2020

© Ил. на обл., Лапшина Д. Ю., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

*** * ***

Пролог

Из разорвавшейся тучи выглянула луна. На залитой тусклым светом степи появился силуэт долговязого путника с лопатой и большой сумкой. Увидев показавшуюся впереди небольшую возвышенность, путник ускорил шаг. Но... что это?

Неподалеку от того места, к которому он так стремился, виднелись три темных пятна. Неужели палатки? Пройдя еще немного, он понял: так и есть.

От одной из них отделилась худенькая фигурка. Похоже, это ОНА! Точно ОНА!

Выходит, ОНА его обманула! Уверяла, что студенты придут сюда в начале июля, когда будут продолжены раскопки, а сейчас только май.

Рваные края тучи сомкнулись, стало темно.

Он задумался. Если он здесь не один, то, выходит, у него в запасе уже не несколько дней, а несколько часов. До утра надо успеть все. Все, что возможно.

Дождавшись, когда молодежь затихнет, путник подошел к незавершенным в прошлом году археологическим раскопкам и принялся за работу.

Всю зиму, которая казалась ему бесконечной, он искал информацию об этих раскопках, и теперь ему не составляло труда даже в темноте, при свете фонаря, отыскать нужное

место.

Лопата быстро взлетала вверх, откидывая в сторону темные комья земли. Долговязый копал, как автомат, безо всяких передышек. Глубже, шире, опять глубже и шире. Пове-зет, не повезет? Время от времени он поглядывал на небо. Тучи разошлись, так и не разродившись весенним дождем, и над ним теперь висел темный купол небес с полной луной и россыпью мигающих звезд.

Время пролетело мгновенно. Горизонт на востоке посвет-лел. Надо торопиться.

И, о счастье! Лопата наткнулась на что-то твердое. Он на-клонился, пощупал, быстро положил находку в сумку и при-нялся с воодушевлением копать дальше. Он уже нашел то, что хотел, и этого было бы достаточно, но, охваченный азар-том, не мог остановиться.

Прошло еще минут сорок, и снова находка – шкатулка! Что в ней? Если то, о чем он мечтал всю сознательную жизнь, то... Сердце забилось быстро и гулко.

В этот самый момент из палатки кто-то вышел. Да не один. Послышались смех, обрывки фраз. Он замер, на всякий слу-чай присев на корточки.

Спустя какое-то время стало тихо. Трясущимися от вол-нения руками он с трудом открыл шкатулку. Не сразу, но по-лучилось! В светлеющем воздухе были видны цепочки, се-режки, браслеты... И это не все! На дне лежало нечто, завер-нутое в кусочек тончайшего шелка, на ощупь напоминавшее

большую монету. Неужели все-таки... У него перехватило дыхание. Не может быть! Еще в школе, увлекшись археологией, он прочитал где-то про амулет, с которым, по преданию, связаны счастье, успех, везение, и, главное, непреходящее финансовое благополучие.

Он судорожно развернул ткань и не поверил своим глазам: в ладони действительно лежал тот амулет, о котором он мечтал всю жизнь! Кусочек шелка с нарисованными на нем двумя желтыми попугаями медленно опустился на землю.

Вдруг откуда-то потянуло холодом. Как будто бы в теплую майскую ночь ворвался ледяной ветер. Он повернул голову и, чуть было не уткнувшись в полупрозрачную, будто бы сотканную из тумана лошадиную морду, отпрянул в сторону.

И тут же попятился назад: прямо на него, сидя верхом на лошади, облаченный в старинные одежды – кафтан, шаровары и шапку из войлока и меха, – пристально и сурово смотрел незнакомец. На полупрозрачном лице хорошо были видны раскосые узкие глаза, широкие скулы и длинный шрам вдоль правой щеки.

Он выронил из рук шкатулку и, зажав в руке драгоценный амулет, бросился прочь от этого места. Лошадь со всадником двинулась следом. Спустя несколько минут все небо прочертила ярким зигзагом молния, а степь огласил громкий, душераздирающий крик...

Часть I

Глава 1

Сегодняшний день, дорогой дневник, наверное, был самым ужасным в моей жизни. Представь: на уроке русского языка мне пришла эсэмэска от мамы. Казалось бы, что тут особенного. Но это как сказать. Ведь если эсэмэска приходит во время занятий, значит, с мамой что-то произошло. Тем более, что это была первая эсэмэска, которая пришла от нее во время уроков за все семь лет моей учебы в школе.

Открыть сообщения я смогла только спустя сорок минут (почему, расскажу чуть позже), а когда открыла, то оторопела, дорогой дневник, потому что... Потому что там было целых шесть эсэмэсок! Что же должно случиться, чтобы за каких-нибудь сорок пять минут отправить мне столько сообщений?

Я набрала в легкие побольше воздуха, прочитала первое и оторопела. Что за фигня?

Там было написано:

«Агния! После школы к бабе Дусе не ходи. Жду тебя в 18-00 по...».

И дальше был написан адрес, по которому я должна прийти на «свидание» с мамой в 18-00.

Я открыла вторую эсэмэску.

«Агния! После школы к бабе Дусе не ходи. Жду тебя в 18-00 по адресу...»

Третью: «Агния! После школы к бабе Дусе не ходи. Жду тебя в 18-00 по адресу...»

Ничего не понимаю! Мало того, что сам текст эсэмэсок довольно странный (почему я не должна идти к бабе Дусе, если мы там живем?), так все они – абсолютно одинаковые!

Мне стало не по себе. Это не похоже на маму. А может... Может, их писала вовсе не она? Может, с ней что-то произошло, и автор эсэмэсок кто-то другой?

Я набрала мамин номер. Ее телефон оказался заблокированным.

Что же случилось?

Конечно, если бы мама была мультимиллионершей, то можно было бы предположить, что меня хотят заманить в ловушку, чтобы потом потребовать выкуп. Но какой выкуп можно потребовать у рядовой артистки кукольного театра?

Я с трудом досидела до конца уроков. А впереди были еще целых четыре часа бессмысленного шатания по улице.

На тополях уже проклюнулись нежно-зеленые листочки, на детских площадках слышался ребячий смех, громко, приветствуя скорое наступление лета, чирикали воробьи. Даже бездомные собаки носились с каким-то, если можно так выразиться, радостным выражением на мордах. Только мне было не до радости. Я звонила маме с периодичностью, навер-

ное, раз в пять минут, но ее телефон оставался недоступен.

Я поняла, что в нашу жизнь врывается (а, может, уже во-
рвалось), что-то непонятное, нехорошее и страшное. Мама,
ау, где же ты?

Мама не отвечала...

Глава 2

А теперь по порядку.

Мы писали годовой диктант за седьмой класс. Маргарита Викторовна по прозвищу Горгулья медленно прохаживалась меж рядов:

– В жизни всегда есть место подвигу. Под-ви-гу, – диктовала она.

– Эй, Нищевродка, – ткнула меня в плечо сидящая сзади Лерка, – как правильно: подвигу или подвегу?

Если бы ты, дорогой дневник, хоть раз увидел Лерку, у тебя бы сразу крышу снесло, как снесло ее у всех мальчишек нашего класса. Еще бы! Лерка, она такая... Высокая. Стройная. Тоненькая-тоненькая. Волосы светлые, длинные, чуть выющиеся, а глаза огромные, чуть ли не в пол-лица.

Иногда я думаю, как хорошо быть такой красивой и такой высокой, как Лерка!

А вот я самая маленькая в классе. И самая... некрасивая, хотя фамилия моя Миловидова. Я, конечно, давно смирилась и со своим ростом, и со своей внешностью – ведь понятно, что тут ничего не изменишь, но все-таки... Все-таки я отдала бы все свое умение логически мыслить, все свои отличные оценки (ты же знаешь, дневник, что я – девочка-ботан) и все свои первые места на городских и краевых олимпиадах по физике и математике, чтобы хотя бы на минутку

почувствовать себя красивой и высокой. Как Лерка.

Правда, с учебкой у нее не ахти как (и, по-моему, она не очень-то заморачивается из-за этого!), вот и обращается ко мне за помощью на каждой контрольной. И зовет она меня, как ты уже понял, дорогой дневник, – Нищебродкой. Впрочем, не только она.

Как ни обидно, а прозвище-то правильное. Ведь моя мама всего-навсего рядовая актриса театра кукол, и с ее зарплатой на дорогие вещи не разбежаться. А ей еще приходится платить и за крошечную комнатку, которую мы снимаем у несносной бабы Дуси, – переехали туда из актерского общежития почти десять лет назад на... две-три недели, а задержались на годы.

– Ну? – нетерпеливо дернула меня за рукав Лерка. – Че молчишь, Нищебродка, так подВИгу или подвЕгу?

– ПодВИгу!

– Разговоры прекратить! – сердито сказала Горгулья. – Итак, повторяю... В жизни всегда есть...

В этот момент и пискнул в моем рюкзаке телефон. Эсэм-эска! Я сразу поняла, что она от мамы (потому что больше не от кого) и что в ней что-то срочное, осторожно достала гаджет, и...

И тут же надо мной нависло длинное лицо Горгульи.

– Это еще что такое! – возмутилась она. – Миловидова, что ты творишь! – она вырвала у меня телефон. – Отдам после урока! Итак... написали? В жизни всегда есть место...

Я еле дождалась конца урока. Наконец-то звонок! Горгулья вернула мне мобильник со словами:

– Если такое повторится – пойдешь к директору.

Как будто бы я только и делаю, что развлекаюсь с телефоном на уроках.

Впрочем, сейчас мне было не до Горгульи.

Я пристроилась за последнюю парту, чтобы наконец-то прочитать эсэмэску, и увидела, что их целых шесть, и все они от мамы! Мне стало не по себе. Что случилось?

Но не успела я открыть и первое сообщение, как в класс ворвалась Лерка со смартфоном в руках. Подбежав к доске, она навела на себя камеру.

– Добрый день, мои дорогие подписчики и подписчицы! – ангельским голоском начала она. – Сейчас в школе большая перемена, и пока мои люди, ну, то есть моя свита, стоят в очереди за завтраком, мне не терпится поделиться с вами одним очень важным открытием. – Тут Лерка в несколько прыжков пересекла класс и оказалась рядом со мной. – К сожалению, не все могут себе позволить питаться в школе. Даже круглые отличники. Вот, например, наша Нищевродка, у которой, не поверите, нет денег даже на школьные завтраки. Врубаетесь? – Она навела камеру смартфона на меня, чтоб показать мое лицо подписчикам, и устремилась к доске. – Зато она знает, как пишется слово... – Лерка крупными буквами вывела мелом слово ПОДВЕГ, потом перечеркнула букву «Е» и написала сверху «И». – Все увидели? Слово

«ПОДВИГ» пишется так! И запомните, друзья, что в жизни всегда есть место подвигу. Через букву И, разумеется. Ну, пока-пока. Обнимаю! Ваша Валерия.

Лерка скрылась за дверью, а я на несколько секунд даже забыла об эсэмэсках от мамы. Ничего себе! Теперь о том, что у меня нет денег на завтраки и что меня называют Нищесбродкой узнает вся страна. А уж наш город – это точно. Ведь у Лерки на Ю-Тубе чуть ли не двадцать тысяч подписчиков. И, наверное, прохожие будут показывать на меня пальцем и говорить: «Смотрите, смотрите, у этой несчастной девочки нет денег даже на школьные завтраки! Какой кошмар!»

Но я не обиделась на Лерку, потому что... Поделюсь с тобой еще одной недостижимой для меня мечтой, дорогой дневник: несмотря ни на что я, наверное, была бы от счастья на седьмом небе, если бы Лерка взяла меня в свою свиту. Наверное, об этом мечтает каждая девочка из нашего класса, не вошедшая в число ее приближенных.

Вот тут-то мой взгляд упал на телефон и я вспомнила о шести эсэмэсках! И опять подумала: что могло произойти такого, чтобы за каких-нибудь сорок пять минут, не дожидаясь перемены, отправить мне столько сообщений?

...Итак, я шла по городу, дорогой дневник, и гадала, что же все-таки случилось. Но как тут угадаешь, когда ты совершенно ничего не знаешь? Все, как говорится, за кадром.

Глава 3

Я так долго волновалась (представь себе, с самого утра!), что в какой-то момент устала от этого, и мысли перекинулись на другое. На себя, любимую.

Агния... Что за дурацкое имя выбрали родители? Ну почему бы не назвать меня, скажем, Алиной. Или Ариной. Или Вероникой. А то – Агния! В рейтинге русских женских имен оно занимает последнее место и дается одной девочке из тысячи!

А все только потому, что, когда я родилась, у них в театре была любимая кукла Агния.

Ага, вот и нужный дом. Дом, конечно, хорош. Не зря он считается одним из самых красивых в городе, даже несмотря на солидный возраст. Ну, посчитай, дорогой дневник, сколько ему лет, если построен он был пленными японцами в 47-м году прошлого века? О, а здесь, смотри-ка, как раз напротив – новое десятиэтажное здание, в котором живет художник Кирюшкин. В прошлом году мы ходили с классом на его персональную выставку в художественный музей. Она была посвящена, в основном, труженикам полей. Прощаясь с нами, Кирюшкин сказал, что каждый из нас может в любой момент прийти к нему в мастерскую, и назвал номер дома. И добавил:

– Работаю я, в основном, по ночам. Так что, как только

увидите свет в окне на десятом этаже, – милости прошу.

Я сразу подумала, что приглашение в гости было шуткой. Ну кто будет караулить, когда в его мастерской зажжется свет, да еще ночью?

– А как мы узнаем, что это окно мастерской? – спросил Босс – самый красивый, самый умный и, наверное, самый смелый мальчик в классе. (О, дорогой дневник, как я была бы счастлива, если бы он хотя бы раз посмотрел на меня. Всего один раз! Или просто в мою сторону. Увы, увы... Он, как и все мальчишки нашего 7 «Б», влюблен в Лерку).

– Это несложно, – ответил художник Кирюшкин. – Мое окно – самое большое окно в доме.

И ведь точно! Вон оно, как раз на десятом этаже! Выходит, не шутил художник Кирюшкин!

И тут я поняла, что специально пялюсь на его окно, чтобы потянуть время. Ведь тревога за маму уже зашкаливала. Что-то было не то.

Вот почему, к примеру, я должна прийти именно в шесть часов, а не в пять и не в семь?

Почему мама оказалась именно в этом доме? Разве кто-нибудь из ее знакомых здесь живет?

Насколько я знаю, никто...

Шесть ноль-ноль!

Я вошла во двор, нашла нужный подъезд и потными от волнения руками, ну, то есть, пальцем, конечно же, нажала на кнопку домофона. Что сейчас будет!

Глава 4

Тишина. Я замерла, прокручивая в голове разные варианты развития событий.

От волнения застучало в висках. Я уже готова была разреваться, когда послышался веселый голос мамы.

– Агния, ты?

После вихря самых ужасных мыслей я не очень-то поверила, что это на самом деле веселый голос. Кто знает, что происходит там, на третьем этаже с человеком, который держит трубку домофона? Может, за маминой спиной кто-то стоит и требует, чтобы она говорила именно так? Иначе...

– Я, – уже совсем без сил прошептала я.

– Заходи! – как-то уж чересчур радостно произнесла мама.

Чем выше я поднималась, тем становилось страшнее. Что там, в чьей-то чужой квартире? Вот и она...

– Ты? – только и смогла произнести я, видя перед собой очень красивую женщину, слишком похожую на маму. Что произошло? Почему ее волосы уложены в какую-то замысловатую прическу, почему на ее лице яркий макияж, хотя до этого мама не красила даже губы, почему на ней новый, и, видимо, очень дорогой костюм небесного цвета, как раз под цвет глаз, а глаза... Я никогда не видела, чтобы мамины глаза излучали счастье. А тут его столько, что оно прямо вы-

плескивалось наружу.

Я сделала шаг вперед и оказалась в длинном широком коридоре с высоченными потолками. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что этой квартире требуется ремонт. Двери с облупившейся зеленой краской, видимо, были некрашены со времен постройки дома, на стенах топорщились неряшливые клочья недосорванных обоев, на обшарканном линолеуме в некоторых местах чернели дыры. Все это не вязалось с маминым счастливым видом и казалось очень странным.

– Ты одна? – на всякий случай спросила я.

– Теперь уже вдвоем. С тобой, – ответила мама и рассмеялась.

И это тоже было странно! Красивая мама в красивом костюме, в непонятно чьей до невозможности запущенной квартире, да еще и смеется. И это при том, что, опять же, мама и смех – две вещи несовместимые. Может, она приняла какие-то веселящие таблетки? Но тогда причем тут костюм? И макияж?

– Ну что же мы стоим? – воскликнула мама. – Пойдем, покажу твою комнату.

– Что-о?

– Пойдем-пойдем, – повторила она, увлекая меня за собой.

– А всего их сколько? Ну, комнат!

– Четыре. Пойдем! Эта – твоя.

И мама легонько толкнула меня в открытую дверь. Я сделала шаг вперед и невольно остановилась. Комната, разумеется, тоже требовала ремонта и казалась совершенно пустой. Только когда ко мне бросилась наша Муська – кошка десяти лет от роду, я увидела, что, кроме нее, здесь еще и резиновый надувной матрац (уже надутый), а рядом с ним – чемодан, как я поняла, с моими вещами.

«Ну, если перевезли кошку и чемодан, значит, здесь мы надолго», – подумала я.

– Теперь покажу, где буду жить я, – торжественно произнесла мама и провела меня в другую комнату. И там лежал точно такой же резиновый надувной матрац, а рядом стоял чемодан. Как я поняла, с мамиными вещами.

– Это на время, – пояснила мама. – Сейчас сделаем ремонт, купим мебель – и заживем.

Ты можешь представить мое состояние, дорогой дневник? Пустая квартира с надувными матрацами, которую мама, похоже, считает своей, предстоящий ремонт, покупка мебели... На какие средства? И вообще, что это за квартира? Чья она? И почему мы здесь? От всех этих непонятностей я почувствовала слабость во всем теле, перед глазами замельтешили черные мошки.

– Мама, объясни! Я ничего не понимаю!

– Агния! – воскликнула она и сделала несколько танцевальных движений, что тоже было очень и очень странным. Всегда серьезная, озабоченная мама, которая сто раз поду-

мает, прежде чем купить даже какую-нибудь мелочь, вплоть до ручки или карандаша, теперь вдруг танцует и собирается приобрести новую мебель в квартиру! Причем, неизвестно, в чью!

– Произошло чудо! – добавила мама и... запела.

Чудо? Насколько я помню, она всегда говорила, что чудес не бывает. Да и мы с тобой это прекрасно знаем, дорогой дневник.

– Что за чудо?

На лице у мамы появилась улыбка на все тридцать два зуба, и она торжественно произнесла.

– Агния! Я нашла его!

– Кого?

– Ираклия!

Глава 5

Я невольно опустилась, а скорее – упала на надутый матрац.

Ираклий – это мамин брат, которого она безуспешно искала последние лет, наверное, пять.

Когда мама и Ираклий были маленькими, с их родителями случилось несчастье, и детей отдали в детский дом. Очень скоро Ираклия усыновила семейная пара, а маму так никто и не удочерил. И вот, лет пять назад, она решила найти своего брата.

– Ведь должна же быть у меня хотя бы еще одна родная душа! – сказала она и приступила к поискам. Как оказалось, долгим, бесполезным и безрезультатным. Программа «Ищу тебя», объявления в газетах, в социальных сетях... Мама даже научилась медитировать и медитировала, сидя в позе лотоса, в малюсенькой комнатухе у бабы Дуси. Она была уверена, что медитации притянут в ее жизнь брата Ираклия.

Брат не притянулся, но почему-то притянулись розы – почти после каждого спектакля ей регулярно кто-то передавал букеты роз. То через кого-нибудь из артистов, то через контролера, то через буфетчицу.

Мама, конечно, розам радовалась, только вот от кого они были? Узнать это ей так и не удалось, да она и не очень-то стремилась. Ведь она искала брата, а не поклонника. Да и

какой может быть поклонник у актрисы кукольного театра? Кто приходит на спектакли для маленьких? Мамы. Бабушки. Иногда – дедушки. И очень редко – папы.

И вот – теперь у мамы есть брат, а у меня – дядя!

– Точнее, Агния, это он нашел меня, – все также пританцовывая продолжала мама. – И, как ты видишь, он уже перевез все наши вещи! Теперь здесь будем жить. Ты не смотри, что квартира пустая – Ираклий выбросил всю старую мебель, чтобы начать новую жизнь с новой обстановкой.

Если честно, то мне не верилось, что брат вот так – раз, и решил жить с сестрой и ее дочкой, которую ни разу не видел. А вдруг я какая-нибудь психопатка? А вдруг я больна какой-то заразной болезнью? А вдруг у меня kleптомания и я ворую чужие вещи?

– А ты уверена, что это на самом деле брат?

– Конечно! Он показал документы из детского дома, в котором мы с ним были. И когда увидел, в каких условиях мы живем, немедленно перевез нас сюда. Вставай, я тебе еще не все показала.

Я нехотя поднялась. Ну, что еще?

Мама провела меня в соседнюю комнату.

– Здесь будет жить Ираклий.

Конечно, его комната тоже была пуста, и в ней тоже лежал в углу надувной матрац.

Все это мне кажется очень странным. Прямо как в страшной сказке, которую я тут же на ходу сочинила. Вот она.

В почти пустой квартире лежали надувные матрацы. Днем они вели себя спокойно, а ночью впивались в тело того, кто на них спал, и высасывали всю кровь...

Здорово, правда?

На этом экскурсия по квартире не закончилась. Мама подвела меня к закрытой двери еще одной комнаты.

– Это голубая гостиная. То есть, скоро будет голубой гостиной. А пока Ираклий просил сюда не заходить и не включать вечером свет – там что-то с проводкой, она может замкнуть и тогда начнется пожар.

– А днем заходить можно? Днем свет включать не надо.

– Сказано не заходить – значит, не заходить! – рассердилась мама. – Какая тебе разница?

Я все же приоткрыла дверь и увидела совершенно пустую комнату. Даже надувного матраца не было. Странно... И почему туда нельзя заходить даже днем?

– Нехорошо, Агния, заглядывать туда, куда не положено, – мама с силой захлопнула дверь.

– Так я же не захожу! Просто посмотрела. Да, почему именно голубая гостиная?

– Потому что Ираклий хочет наклеить голубые обои и обставить комнату мебелью голубого цвета.

Нет, так безоглядно верить незнакомому человеку способна только безрассудная актерская душа! Лично я лучше

бы до конца своих дней снимала комнату у несносной бабы Дуси, чем решилась на такое.

– Так что, мы всегда здесь будем жить? – спросила я.

– Посмотрим. Скорей всего, нет – ведь каждому из нас придется устраивать личную жизнь. Но пока – так. Согласись, здесь лучше, чем у бабы Дуси. Идем дальше. Вот – кухня.

Ну, это и так было ясно. Здесь стоял стол, три стула и холодильник.

– А где он сам-то? Мой новый дядя?

– Скоро будет. На работе.

– А где он работает? – это же все естественные вопросы, правда?

– Он работает врачом-травматологом в горбольнице.

Представляешь?

Мама сказала это с такой радостью, как будто мы каждый день ломаем ноги или руки и нуждаемся в постоянной помощи специалиста.

А потом мне пришла в голову мысль, от которой стало не по себе. Врач-травматолог... Ну сам посуди, дневник, как возможно за короткое время на зарплату врача сделать ремонт в четырехкомнатной квартире, да еще купить мебель... Ну, знаешь ли...

Н-да, в отличие от меня, у мамы совершенно отсутствует логическое мышление. Одни эмоции, честное слово!

Додумать и доудивляться я не успела: она уже увлекла

меня в «мою» комнату. И только сейчас я заметила, что в этой комнате был балкон! О, это мне уже нравится. Я вышла, чтобы сверху посмотреть на главную улицу (ведь дом этот расположен в самом центре города), но меня опять позвала мама.

Она торжественно сунула мне какой-то сверток.

– Что это?

– Это тебе! Примеряй!

– Откуда?

– Из магазина, естественно! Ираклий дал денег. Сказал, чтобы я купила нам с тобой что-то приличное. Начать решила с твоей школьной формы.

– И со своего костюма, – добавила я.

Представляешь, дорогой дневник, оказалось, что мама купила мне очень красивую новую форму (зачем, когда через неделю летние каникулы?), очень красивые туфли из натуральной кожи, и какой-то супер-рюкзак. Она заставила меня все это надеть, даже рюкзак, и подвела к зеркалу в прихожей.

Ты же понимаешь, дневник, почему я не люблю смотреться в зеркало. С моим-то росточком, с моей-то внешностью... Одно расстройство! Но сейчас мне показалось, что на меня смотрит совершенно другая девочка. Я даже как будто стала выше ростом. Почти как мама. Такая, возможно, понравилась бы даже Боссу. И хотя лицо у меня, конечно же, не изменилось (круглое, с небольшими зелеными глазами, приплюснутым носом, с веснушками, плюс жиденские косички

песочного цвета, длинная челка и, как ты знаешь, очки в целых четыре диоптрии!), в новой форме я почему-то уже не напоминала сама себе девочку-ботана. Даже несмотря на очки. Хотя, возможно, мне это просто показалась.

– Нравится? – спросила мама.

Ответить я не успела: распахнулась дверь, и в квартиру буквально ворвался незнакомец. Я поняла: это мой дядя. Ираклий.

ОН. Мысли вслух.

Я здорово воспитал сам себя. Главное, к чему я себя приучил – ничего не делать просто так. Я продумываю каждый свой шаг. И поэтому я успешен.

Глава 6

Ну, дорогой дневник, хочу сказать, ни капельки не похож он на маму! Мама-то малюсенькая, чуть выше меня, тонюсенькая, как говорит тетя Света (ну, ты знаешь, что это мамина подруга), с мелкими чертами лица. Конечно, гораздо симпатичнее, чем я.

А дядя Ираклий (так хочется поставить слово дядя в кавычки, я же не верю пока, что он настоящий дядя) такой: высокий (мы с мамой ему где-то по плечо, представляешь?), такой... красивый – волосы светлые, волнистые. И простой такой, и смеется громко, не то что мы с мамой. Знаешь, дорогой дневник, я даже поймала себя на мысли, что очень-очень пожалею, если окажется, что никакой он не брат и не дядя.

А дядя Ираклий (и все же пока буду называть его так) увидел меня, обрадовался и воскликнул:

– Так это и есть моя племянница? Ну и крошка! А со зрением что? Сколько диоптрий?

– Минус четыре, – отозвалась мама.

– Покажу окулистам. Линзы подберем. – И добавил, – Ну что, девчонки, тут кафешка недалеко с китайской кухней. Махнем туда, поужинаем.

Не буду вдаваться в подробности, только скажу: никогда мне не было так хорошо, как в этой кафешке. Теперь я мо-

гу представить, как чувствуют себя дети из полных и дружных семей, где есть традиция иногда всем вместе посещать кафе. Я слышала, что такие бывают. Вот и про нас, наверное, официанты думали, что мы пришли семьей отдохнуть, расслабиться, и от этого я даже немножко загордилась.

Дядя Ираклий рассказывал про людей, которые его усыновили и увезли в другой город. Не так давно их не стало, и он решил вернуться на родину. Мама слушала дядю Ираклия так внимательно, что, кажется, даже боялась дышать. И я ее понимаю: ведь они не виделись больше тридцати лет!

Потом пришла мамина очередь рассказывать о себе. Когда мне было четыре года, моего папу (а ее мужа, разумеется), пригласили работать в кукольный театр другого города (он тоже артист-кукольник). Папа согласился и поехал обустроиваться. А маму попросили освободить общежитие – все равно же мы вот-вот должны были переехать к папе. Мама сняла крошечную комнатку у бабы Дуси буквально на три недели. И вот живем мы там уже целых десять лет: на новом месте папа сразу же завел новую семью.

И знаешь, дорогой дневник, мне иногда кажется, что папа оставил маму потому что... Потому что она маленького роста! Глупость, конечно, но я по себе знаю, каково это быть ниже всех! Иногда кажется, что тебя просто не видят. Вот почему я завидую Лерке: она такая высокая!

Дядя Ираклий помолчал немного, потом сказал:

– Тьфу ты, чуть не забыл! Подарок племяшке! – он сунул

руку в карман пиджака и извлек оттуда золотую цепочку с кулоном.

– Это тебе. Давай надену.

Надо же, у меня никогда не было вообще никаких украшений, а тут сразу – золото...

– И это не все! – сказал дядя Ираклий и снова сунул руку в карман и, словно фокусник, вынул оттуда часы. Даже не часы – часики, маленькие такие, хорошенькие!

Он помог мне застегнуть браслет и, по-моему, сам залюбовался своей покупкой.

Он залюбовался, а я опешила. Часы? Мне? И как раз такие, о которых я мечтала!

Ты же знаешь, дорогой дневник, что я иногда хожу по магазинам, просто чтобы поглазеть. Конечно, это бывает довольно редко, потому что от этих походов одни расстройства – все равно ничего не куплю, но так хочется хотя бы на несколько минут, стоя у прилавка, представить, что это – возможно. И вот однажды я увидела эти часики, и даже попросила продавца дать мне примерить, а потом ушла расстроенная. Бывает же так: понравится какая-нибудь вещь, и вроде бы не так уж она и нужна (в конце концов время можно посмотреть и на телефоне), но кажется, все готов отдать, чтобы ее иметь.

– Нравится? – спросил дядя Ираклий.

– Еще как! – прошептала я, потому что от неожиданности все еще не могла прийти в себя.

Посидели недолго. Дядя Ираклий сказал, что завтра с утра у него серьезная операция и ему надо хорошо отдохнуть.

– Да, девчонки, – добавил он, – пожалуйста, не заходите пока в голубую гостиную. Там с электропроводкой какие-то неполадки. Я, правда, отключил комнату от блока питания, света там нет, но все же лучше не рисковать, мало ли что. А на выходные я электрика пригласил.

...Мама с дядей Ираклием уселись на кухне и стали вспоминать свое детство, а я вышла на балкон. Теперь я почти поверила, что дядя Ираклий мой дядя. А может, мне просто очень хотелось, чтобы так оно и было.

Я смотрела на недавно распустившиеся листочки на тополях, на идущих мимо людей, на дом напротив, в котором находится мастерская художника Кирюшкина, и думала о том, что наша с мамой жизнь резко повернулась в хорошую сторону. Но... на самом ли деле в хорошую? Разве такое бывает, чтобы ни с того ни с сего вдруг раз – и стало хорошо?

Надо же, к каким дурацким выводам может привести случайно залетевшая в голову мысль! Вот зачем я так подумала? Подумала и решила, что не может быть все так хорошо, как кажется. А если не хорошо, то, выходит, все плохо и, возможно, дело движется к чему-то... ужасному! Вот что значит логика, с которой, как ты знаешь, дорогой дневник, мы давно подружились.

Мне стало не по себе. Что готовит нам с мамой эта странная квартира, в которой каждая комната буквально вопит о

том, чтобы ей сделали ремонт? Хотя бы косметический.

И тут я поняла, дорогой дневник, как мне не хватает Оксанки! Единственной подруги, которая месяц назад уехала с родителями за границу. Навсегда.

Хорошо маме, у нее есть тетя Света, теперь вот брат появился – сидят, вспоминают детство. А мне и поговорить-то не с кем!

В мастерской художника Кирюшкина зажегся свет.

И тут мне в голову пришла дерзкая мысль. А не сходить ли мне к нему? Ведь он же всех нас приглашал в гости. А что? Маме с дядей Ираклием не до меня, а торчат одной на балконе, а уж тем более сидеть в пустой комнате на надувном матрасе ужасно не хотелось.

Я вышла в коридор.

Мама с дядей Ираклием продолжали на кухне вспоминать свое детство.

– А помнишь, у нас еще был сосед Васька? – спрашивала мама.

– Конечно, помню. Еще на четвертом этаже жил...

– Какой на четвертом! На первом...

– А, ну да! У него еще отец работал каким-то конструктором!

– Каким конструктором? Летчиком!

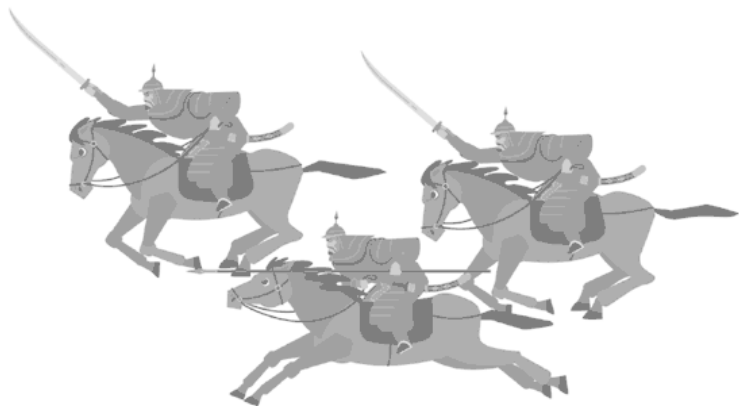
– А, ну да, вспомнил, такого росточка небольшого...

– Ну ты даешь! Бугай еще тот!

– А, ну да...

Чтобы не мешать, я молча помахала маме рукой. Мама в ответ кивнула. Не знаю, поняла ли она, что я решила уйти, но прерывать их беседу не хотелось. В последний момент я вспомнила про телефон. Вернулась, бросила его в сумочку (мало ли что) и пошла.

Если б я знала, дорогой дневник, что меня ожидает, то улеглась бы спать на надувной матрац, и все. Но я ведь ничего не знала...

Часть II

Глава 1

Теперь, когда я в трезвом уме и полной памяти, не перестаю удивляться тому, дорогой дневник, что я поперлась (извини, но другого слова не подобрать) к этому художнику Кирюшкину. Видимо, мозг у меня совсем стал с горошину, если я на это решилась. Сейчас вот сижу и думаю: ну и что бы я ему сказала? Здравствуйте, как там его, Василий... Василий... (вот я даже отчество забыла и не удосужилась перед тем, как идти, посмотреть в Интернете), год назад мы были у вас на персональной выставке и вы сказали, что можно прийти к вам в гости, как только в вашей мастерской загорится свет. И вот я пришла.

Надо же, какая глупость! И это при том, что нам, девочкам, с раннего детства внушают и дома, и в школе: нельзя даже разговаривать с незнакомцами не то что заходить к ним в квартиру (даже если это известный художник)! Нельзя, нельзя, нельзя! Правда, Кирюшкин не такой уж и незнакомец – ведь мы были у него на выставке, но это не повод для того, чтобы одной заявиться к нему в гости!

Но все это пришло мне в голову уже потом, когда я благополучно (благополучно ли?) вернулась домой. То есть, сей-

час. Тогда же...

Словом, когда я поперлась к художнику Кирюшкину, уже темнело. Вечер был теплый, почти летний. Перебежав через дорогу, я вошла во двор, и только тут до меня дошло, что я не знаю, в каком подъезде он живет. Пришлось обойти дом, отыскать со стороны улицы самое большое окно и прикинуть, к какому подъезду оно относится. Но потом я сообразила, что надо знать еще и номер квартиры. Иначе я не смогу воспользоваться домофоном. Вот бестолочь! Немного поколебавшись, я решила так: если в ближайшие пять минут никто не войдет или не выйдет из подъезда, то я пойду обратно, и засекала время. Через три минуты дверь распахнулась и оттуда выскочил высокий парень с рыжими взъерошенными волосами. Он выскочил, а я заскочила.

Нет, дорогой дневник, в моем мозгу, который точно с горошину, сегодня было еще и позднее зажигание. Ну сколько раз я читала о знаках, которые подает нам Вселенная, предупреждая о грядущей опасности! И ведь все это я знаю давным-давно! Сегодня же, похоже, я начала жизнь с чистого листа, забыв о том, чему меня учили.

И вот знак номер один: не работает лифт!

В другое время я бы, наверное, развернулась и пошла домой. Так нет же, сегодня, будучи явно не в себе, я стала подниматься пешком на десятый этаж. Вот скажи, дневник: а оно мне было надо?

Не надо, но я поднималась.

На десятом этаже меня ожидал еще один знак (номер два): там не было света.

В другое время я бы без раздумий пошла домой. Но сегодня, будучи явно не в себе, я включила фонарик на телефоне и подошла к двери художника. То, что эта дверь вела именно в его квартиру, можно было не сомневаться: других на лестничной площадке не было. Нажав, и не раз, на кнопку звонка, я поняла, что либо никого нет дома, либо просто мне не хотят открывать. Что это, как не знак номер три?

И я пошла бы домой, если бы луч фонарика не упал на замочную скважину, из которой торчала свернутая в трубочку бумажка. Записка! Конечно, читать чужие записки нехорошо, но я все-таки вынула листок. На нем крупными корявыми, наезжающими одна на другую буквами, было написано: «Скоро буду. Ключ под ковриком. Заходи, почувствуй себя как дома. Леонид К.».

Прикинь, дневник, как все-таки творческие люди похожи друг на друга! Моя мама вполне могла бы сделать то же самое. И это несмотря на то, что чуть ли не каждый день с экранов телевизоров предупреждают: не оставляйте ключи в доступных для грабителей местах! А художник не только оставил ключ под ковриком, но еще и сообщил об этом в записке. Только вот... Понимаешь, дневник, тут оказалась еще одна закавыка. Мы ведь помним, что Кирюшкина звали Василием. А здесь было написано: Леонид. Ведь это еще один, четвертый знак, после которого надо было изо всех сил рва-

нуть домой. Ну, то есть на новое место жительства. Но на меня точно нашло затмение. Потому что вместо этого я вытащила из-под коврика ключ, вставила его в замочную скважину, повернула два раза и открыла дверь...

О, дорогой дневник, если б я знала, чем все это закончится! Но я не знала и сделала шаг вперед.

Глава 2

Я оказалась в непроглядной темноте. И ведь это тоже был знак, правда, дорогой дневник? Знак номер пять.

И будь у меня с головой все в порядке, я бы сразу повернула обратно. Но я не сделала этого, а стала упорно продвигаться вперед, шаря рукой по правой стене в поисках выключателя. Вот балда! Сейчас я думаю: а почему именно по правой? Ведь выключатель мог быть и на левой стене коридора!

Словом, я шарила рукой по стене и никак не могла нащупать выключатель. Вдруг до слуха донеслось слабое шуршание. Я остановилась. Шуршание усиливалось, и я уже не знала, что делать: идти вперед или повернуть обратно.

Вскоре к шуршанию добавилось тихое позвякивание, похожее на звяканье монет в полупустом кошельке.

Если б ты знал, дорогой дневник, какой ужас я испытала! Сейчас, когда все позади, мне кажется это не столько страшным, сколько забавным, но тогда...

Я закрыла глаза и по привычке заставила себя глубоко дышать – я всегда так делаю, когда волнуюсь или чего-то боюсь. Спустя какое-то время звуки исчезли, я успокоилась и вместе с этими осознала свою невероятную глупость. Ну сам посуди, дневник: ведь у меня был телефон со встроенным фонариком, я держала его в левой руке, в то время как правой шарила по стене! Ничем иным, как затмением мозга это

не объяснить, честное слово!

С фонариком я без труда нашла выключатель, зажгла свет и тут же услышала, как позади меня с шумом захлопнулась дверь. Я бросилась к ней, попыталась открыть замок, но он не открывался... Я оказалась в западне!

На меня нахлынуло отчаянье, но я быстро успокоилась, ведь, судя по записке, вот-вот должен вернуться Леонид К. (хотя, если честно, мне не очень-то хотелось с ним здесь встречаться), ну а в самом крайнем случае я могу позвонить маме. Они-то с дядей Ираклием найдут способ меня отсюда вызволить.

Как все-таки хорошо, что в последний момент я взяла с собой телефон!

В общем, я успокоилась и вошла в мастерскую. И остолбенела, оказавшись в огро-о-мадной, как мне показалось, прямоугольной студии, все стены которой увешаны картинами. Ну прямо как в выставочном зале! А посередине стояла тоже, видимо, картина, завешанная белым покрывалом. Скорее всего, над ней художник Кирюшкин еще работает.

Что тут говорить, дорогой дневник, картины Кирюшкина просто завораживали! Я поняла, что не смогу уйти отсюда, пока хотя бы мельком не взгляну на каждое полотно.

Оказалось, что некоторые из них я уже видела на персональной выставке. Например, вот эту, на которой изображено только что вспаханное поле, и оттуда, как мне показалось, даже дует свежий ветерок. А здесь уже колосится то ли рожь,

то ли пшеница. А это – шестеро трактористов на фоне только что вспаханного поля обедают, сидя за длинным столом.

Но что это? Мне показалось, что до меня чуть слышно доносятся их голоса...

Но минуточку спустя я поняла: голоса раздавались вовсе не из картины, а откуда-то из глубины мастерской, как будто бы здесь, кроме меня, еще было, по крайней мере, человек двадцать, и каждый из них что-то тихо говорил.

Мне опять стало не по себе. Я замерла, боясь оторвать взгляд от уплетающих обед трактористов. Чтобы немного отвлечься, я по привычке начала сочинять страшную сказку.

В мастерской художника со всех сторон раздавались тихие голоса: мужские и женские, старые и молодые. И даже – детские. А потом голоса превратились в длинные руки, которые тянулись со всех картин и пытались задушить непрошенную гостью...

Тьфу, какая ерунда, подумала я, набрала в легкие побольше воздуха и резко повернулась к трактористам спиной. Теперь вся студия была как на ладони. И в ней не было ничего страшного или угрожающего. Стояла полная тишина.

Я облегченно вздохнула и решила, что, пожалуй, пора возвращаться домой. (К этому времени я и забыла, что с замком на входной двери творится что-то неладное). Оставалось сделать последнее: узнать, что же таится под белым покры-

валом.

И в этот самый момент мой взгляд упал на дом напротив...

Глава 3

Я увидела свой новый дом, в кавычках, конечно же. С высоты десятого этажа он казался маленьким, неказистым. Я попыталась найти окно «своей» комнаты, и, похоже, нашла, точнее, не окно, а балконную дверь. И вдруг... Вдруг в окне соседней «голубой» гостиной вспыхнул свет. Или мне показалось? Может, я перепутала подъезд, этаж?

Скорее всего, так и есть, ведь Ираклий сказал, что в этой комнате вышла из строя электропроводка и что там теперь нет света. Но выходит, что он есть!

Я еще раз прикинула, тот ли это подъезд и тот ли этаж (хотя третий этаж в четырехэтажном доме, согласись, дневник, трудно спутать с другим), – да, это было окно голубой гостиной. И только потом я поняла, почему так долго соображала: мне не хотелось верить, что это на самом деле голубая гостиная. Ведь в таком случае получалось, что дядя Ираклий нас обманул. Но... почему? Может, он прячет в голубой гостиной что-то такое, о чем мы с мамой не должны знать? Я продолжала стоять как истукан. Я видела, как мелькнула его голова и скрылась в правом углу. Мгновенье – и свет погас. Видимо, дядя Ираклий вернулся в кухню вспоминать детство.

Интересно, что он ей сказал? Отлучился кому-нибудь позвонить?

Придумал что-то другое?

Это неважно. Важно то, что он обманул нас в первый же день совместной жизни. (Совместной жизни... как-то немного смешно звучит. Ведь так обычно говорят, когда люди женятся, а тут просто брат с сестрой решили пожить вместе. И опять вопрос: а брат ли? А если не брат, то для чего жить вместе?)

Я так расстроилась, что даже забыла, что хотела посмотреть еще одну картину. И вспомнила об этом, когда уже была в коридоре. Поколебавшись секунду, стоит ли из-за этого возвращаться, я решила, что стоит. Ведь если я этого не сделаю, то потом буду жалеть.

Я подошла к картине, осторожно приподняла покрывало и... Мне показалось, что прямо на меня с натянутой тетивой лука, со взглядом, устремленным вдаль, с выражением крайней решимости на монголоидном лице, летит на белоснежном коне отважный всадник. Его правую щеку пересекал шрам, рот его был открыт, он что-то кричал, а рядом с ним летели – и тоже на меня – такие же всадники, много всадников, может быть, сто, может, тысяча, а может, сто тысяч. И все они что-то кричали, и все держали натянутыми луки, и на головах у всех были смешные шапочки из войлока и меха. Только кони у них были другие – приземистые, коричневого окраса.

В какой-то момент мне показалось, что я слышу какие-то крики, топот копыт и даже чувствую, что земля из-под них летит мне в лицо. Я зажмурилась и... в эту секунду ощутила

сильный удар по голове. Кто-то невидимый выключил свет. Стало темно и тихо.

Он. Мысли вслух.

Вот дурак я дурак! Ну нашел амулет – мечту своей жизни, а на фига еще и эти с собой притащил? Понятно, товар востребованный, бабла хорошего получу, но ведь это лишние хлопоты. Оставить надо было там, где копал. Но, как говорится, «хорошая мысль приходит опосля». А, ладно, ничего страшного, все равно ни пестрая курица ни ее дочка, не смогут до них добраться – все надежно закрыто. Одно плохо: когда пестрая курица с дочкой узнают, что нельзя входить в голубую гостиную, наверняка начнут что-то выдумывать, домысливать... Скорей бы уж курьер, что ли, приехал, забрал.

Глава 4

Не знаю, через какое время ко мне стало возвращаться сознание. До слуха донеслись удаляющиеся крики людей и топот копыт.

Я приоткрыла глаза и от яркого света, падающего прямо в лицо, зажмурилась. Выходит, свет никто не отключал, просто я грохнулась в обморок. Но... где я?

Голова раскалывалась и гудела. На зубах скрипел песок. В памяти метались обрывки воспоминаний, в которых я будто бы вместе со всадниками скачу по бескрайней степи.

Какой же странный сон мне приснился!

Но главное, – где я?

Где мама, дядя Ираклий?

Почему так тихо? Почему не слышно их голосов? Наверное, уже глубокая ночь, и они, закончив вспоминать свое детство, пошли спать.

Я осторожно приподнялась, огляделась. И все-таки – где я?

Недалеко от меня лежали осколки стекла. На стенах огромной комнаты – картины. Много картин.

Тут только до меня дошло, что я по-прежнему нахожусь в мастерской художника Кирюшкина, а осколки эти от свалившейся с люстры плафона! Вот, оказывается, что ударило меня по голове!

На улице, между тем, стало совсем темно. От слабости закрывались глаза. Сил не было даже пошевелиться.

С огромным трудом я приподнялась. Села. Вдруг откуда-то повеяло холодом. Кажется, из картины, на которой были изображены всадники. Я посмотрела на полотно и замерла. Похоже, мне мерещится – из картины не только несло холодом, из нее высунулась полупрозрачная морда лошади, а в следующий момент появился сидящий на ней всадник.

Я вскочила и бросилась в коридор, боковым зрением улавливая, что всадник на лошади движется за мной...

Вот, наконец-то, входная дверь, но что бы я ни делала – замок не открывался. Я поняла, что оказалась в западне!

Между тем, всадник с лошадьёю стояли сзади – я спиной чувствовала исходящий от них холод. Еще немного, и я покроюсь инеем.

Теперь бы я была рада даже встрече с Леонидом К. «Леонид, где ты?» – в отчаянье закричала я, в очередной раз пытаясь повернуть замок, и он... повернулся! Причем, так неожиданно, что я не сразу поняла, что остается только толкнуть дверь, и я – на свободе!

Я пулей выскочила в подъезд и помчалась вниз по лестнице. Судя по холодному дыханию в спину, с такой же скоростью мчался за мной и всадник на белом коне.

Десять этажей кирюшкинского подъезда мне показались доброй сотней. Ну вот, наконец, и первый этаж – я как ошпаренная выскочила на улицу и тут же налетела на того же ры-

жего парня, с которым встретилаь при входе в подъезд. В руках он держал какие-то пакеты и бутылку шампанского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.